

ВАДИМ
СЕМЕНКОВ

Философское
ЗНАНИЕ

МОДУСЫ

производства

и признания

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

ББК 87
УДК 101.3
С 30

*Рекомендовано редакционно-издательским советом
СПбГИПСР*

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *С. П. Иваненков*,
доктор философских наук, профессор *В. В. Савчук*

Семенов В. Е.

С 30 Философское знание: модусы производства и признания / В. Е. Семенов. – СПб.: Алетейя, 2011. – 222 с.
ISBN 978-5-91419-521-9

В данной работе представлен анализ современных философских практик, модусов признания и способов конституирования философских сообществ. Работа написана с позиций социологии знания. Автора интересуют условия и способы производства философского знания, арены презентации и модусы признания философского знания в современном обществе.

В работе не только дается характеристика ситуации в современном отечественном философском сообществе, но и предлагаются определенные рекомендации по оптимизации этой ситуации.

**ББК 87
УДК 101.3**

ISBN 978-5-91419-521-9

© В. Е. Семенов, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

Предисловие автора

Эта книга о философах и философии, написанная с позиций социологической аналитики. Автор выбрал пока еще новый для социологической рефлексии объект: профессиональное философское сообщество, и предложил свой анализ в виде ряда очерков. Эти очерки были написаны на протяжении «нулевых» годов и почти все опубликованы в периодических изданиях и сборниках. Автор не ставил своей целью дать критику сообщества с позиций превосходства одной дисциплины над другой. Цель была совсем иная – показать возможность постороннего взгляда на те проблемы и сюжеты, которые философы считают «своими» по преимуществу. Так сложилось, что очень долгое время ситуацией в философском сообществе если кто и интересовался, то только сами философы. Можно указать на социологический анализ ситуации в области естественных наук (Бруно Латур), в области литературы (Пьер Бурдьё), в области медицины (Мишель Фуко), но анализом ситуации в философии социологи пока занимаются мало. Наиболее показательной работой на русском языке является работа Рэндалла Коллинза «Социология философий: Глобальная теория интеллектуальных изменений», но в ней представлен взгляд на объект с позиций истории философии. Монография Рэндалла Коллинза – это, без всякого сомнения, выдающийся научный труд, но к социологии он имеет косвенное отношение. Автор считает возможным дать такой вердикт относительно книги Коллинза, потому что социология – это наука о настоящем, а прошлое если и интересует социолога, то только для того, чтобы понять, что происходит сейчас. Автора данной работы, в свою очередь, интересовало настоящее философского сообщества. Именно таков был исходный интерес в написании статей на тему «социология философии».

Однако сам замысел «социология философии» можно реализовать в разных версиях. Социологически философию можно раскрывать: 1) с позиций социологии науки, 2) с позиций социологии профессии, 3) с позиций социологии знания.

Социология философии как социология науки.

Можно раскрывать «социологию философии» с позиций социологии науки, осмысляя философию в ряду других наук. Такой взгляд мало интересен, потому что он совсем не нов, ибо именно с этих позиций написано немало работ позитивистского плана. Кроме этого, в социологии науки доминируют количественные методы и апелляция к верификации полученных данных через формализацию. Процедура формализации, конечно, заслуживает внимания и уважения. Но надо учесть, что эта процедура не в чести у философов. Последним важна не верификация (тест на истинность), а версификация (правила речи), ибо именно версификация является проблемой в современной философии. Если учесть, что адресатом данной книги являются люди, ангажированные философией, то выбор версификации представляется предпочтительным.

Социология философии как социология профессии.

Взгляд на философов с точки зрения социологии профессии очень интересен. Быть профессиональным философом – значит читать книги. Это высказывание можно рассматривать и в плане сущего, и в плане должного. С этих позиций можно зафиксировать профессиональный хабитус философа, специфику его коммуникации как внутри сообщества, так и за его пределами. Однако этот взгляд предпочтителен, если давать критику сообщества: кто кого читает, как читают, читают ли вообще? При этом социолог должен «прикинуться» невеждой в вопросах философии, в специфике работы философа. Это не всегда, но часто бывает необходимо для остроты взгляда при анализе профессиональных практик, чтобы показать и заново проблематизировать сложившийся канон профессио-

нальной работы. Автору же данной работы интереснее было преодолеть свой изначально критичный настрой к философскому сообществу и показать не столько специфику профессиональной коммуникации, сколько те места и направления, где возможно развитие философского знания сейчас. Именно поэтому замысел «социология философии» был развернут с позиций социологии знания.

Социология философии как социология знания. Социология знания более легитимна для самих философов уже в силу своей изначально философичности. Предпосылки такой социологии возникли еще в XIX веке, когда именно философы поставили под сомнение суверенитет разума, выявив различные факторы, детерминирующие деятельность сознания. Это воля (Шопенгауэр, Ницше), погруженность в существование (Кьеркегор), и, наконец, классовые интересы (Маркс). Существенно, что в рамках самой философии шло умножение числа всеобщих условий опыта: воля, классовые интересы, язык, идеология. Но это обостряет вопрос о статусе самого философского знания. Возможно ли философам самим преодолеть эту социальную обусловленность, вытащить себя из болота детерминированности классовыми, социальными, профессиональными интересами на чистую почву объективного знания? Уже в XX веке, номинально социолог, а по сути философ, Карл Манхейм, отвечая на эти вопросы, сделал важное уточнение о том, что надо разводить осознанную ложь и искренние заблуждения. Поэтому и целью социологии знания должно быть не разоблачение, а лишь определение модуса связи между социальным положением и точкой зрения профессионального философа. Это касается и вопроса производства идеологических высказываний. У профессиональных философов понятие идеологии должно распространяться на собственную позицию. У российских философов с идеологией сложные отношения, с одной стороны вопросы производства идеологии долгое время не были предметом философских размышлений (сказывались

внешние политические факторы), с другой стороны, сциентистский модус существования философии во второй половине XX века мешал философам быть восприимчивым к общезначимым темам и суждениям. Показательно, что в либеральных США академичный философ Джон Ролс еще в 1970-е годы написал фундаментальную «Теорию справедливости», а отечественные философы весь XX век на эту тему молчали. Сейчас ситуация хоть и медленно, но меняется: появляются публичные философы, множатся профессиональные контакты, меняется и расширяется репертуар философских тем и сюжетов. Но остается вопрос о том, что именно в современной культуре должно подвергаться философской экспертизе? Какие задачи должны решаться философами в профессиональных кругах, а какие – на широкой аудитории? Каков сегодня модус признания философа? Автор данной работы предлагает свои ответы на эти вопросы, претендуя не столько на оригинальность своих суждений, сколько на значимость этих высказываний для самих философов.

В разные времена разные группы людей могли прочитать или услышать любые из сюжетов приведенных ниже. Коллеги с философского факультета СПбГУ присутствовали при зарождении многих из них. Я благодарен участникам городского семинара «Горизонты социальной метафизики» под руководством профессора К.С.Пигрова за их неудобные вопросы и реплики, позволившие внести коррективы в свои высказывания.

Я хочу выразить свою признательность социологу *par excellence* Сергею Дамбергу за целый ряд ценных замечаний и методологических подсказок, относительно того, как именно стоит изучать современных философов. Я должен также поблагодарить редактора журнала «Credo new» профессора Сергея Петровича Иваненкова за публикации моих материалов в его журнале и за настойчивость, проявленную в общении со мной относительно издания этой книги.

Я особо признателен своей жене Марине и дочери Лизе за проявленное терпение и огромную помощь в редактировании этой книги.

Эта книга посвящается моему современнику, философу Александру Исакову, с которым автор обсуждал почти все сюжеты из этой книги. Без многолетних бесед с ним эта книга не состоялась бы.